

Степные ветры беспощадны. Стоило провести в седле два дня без всякой защиты от стихии, как щеки Дуань Цунчжи обветрились и запылали густым румянцем. Еще вчера вечером во время умывания кожу немилосердно жгло, а едва завершилась утренняя сцена, как сестра Чжан взяла его в оборот и усадила делать маску за компанию с Ху Сюйцзэ.

Полагаясь на безупречную от природы кожу, Цунчжи отродясь не пользовался ничем, кроме очищающей пенки да крема. Тюбики, что он прихватил из поместья Цинь, уже подходили к концу, но заботливый Чжоу Цюань вовремя привез новую партию.

О существовании косметических масок он, конечно, слышал, но испытывать их на себе не доводилось — в представлении Сяо Дуань-гэ подобные процедуры оставались исключительно девичьей привилегией.

Маска оказалась несмываемой — густая зеленая жижа липла к донышку силиконовой пиалы. Сестра Чжан усердно вымешивала ее, заставляя Дуань Цунчжи опасно пятиться. Подоспевшая на выручку гримерша принялась бодро размазывать смесь по их лицам, посмеиваясь:

— Надо же, и на Сяо Дуань-гэ нашлась проруха.

Еще во время первого грима девушки допытывались, какими средствами он пользуется. Услышав лаконичное «пенка и крем», они попытались выяснить марку, но Цунчжи лишь пожал плечами — мол, домашние собрали, сам без понятия.

Гримерши поначалу не поверили: как это — крем без названия? Но приглядевшись к баночкам, обнаружили на них лишь порядковые номера, подробный перечень ингредиентов и способ применения. Никаких логотипов или товарных знаков, но солидный вид упаковки сразу исключал подозрения в дешевой подделке кустарного производства.

Свой телефон Дуань Цунчжи оставил у Чжоу Цюаня. Раньше он каждый день в обеденный перерыв забирал его, чтобы черкнуть пару строчек Цинь Кэ, но сегодня даже смотреть в сторону экрана не хотелось. Покрытый слоем зеленой глины, он полулежал в кресле и лениво перекидывался репликами с Ху Сюйцзэ, заучивая сценарий по цепочке.

Подошедший оператор бэкстейджа навел на них объектив. Ху Сюйцзэ тут же прикрылся сценарием, отчаянно жестикулируя, чтобы тот не снимал его лицо в таком виде. У исполнительницы главной роли сцен в степи не предполагалось, на выездные съемки она не приехала, так что все закадровые хроники держались исключительно на их дуэте.

Запрещая оператору снимать себя, сам Ху Сюйцзэ без зазрения совести навел камеру смартфона на Дуань Цунчжи. Раздался негромкий щелчок затвора.

Цунчжи оторвал взгляд от текста и нахмурился:

— Заняться больше нечем?

— На память оставлю, — отозвался Ху Сюйцзэ, уже увлеченно копаясь в телефоне.

Цунчжи не придавал этому значения. Лишь поздно вечером, когда он тайком заглянул в свой супертопик, то обнаружил, что уведомлений прилетело гораздо больше обычного. Какая-никакая фан-база у него уже имелась: поклонники упоминали его в постах, присылали сообщения в личку, но обычно поток этот был размеренным и предсказуемым. Сегодняшний же шквал явно выбивался из колеи.

Почуввав неладное, он пошел по следу активности и обнаружил свежую публикацию на странице Ху Сюйцзэ.

[@Ху Сюйцзэ: Товарищи по несчастью @[]QK [Фото]]

К посту прилагался тот самый снимок, где они оба сидят с размазанной по лицам косметической глиной.

Ху Сюйцзэ терпеть не мог уход за кожей, но сестра Чжан опекала его слишком рьяно. Ее забота простиралась до мельчайших деталей, включая лицо артиста: мириться с его мужланским пренебрежением к внешности она не собиралась и регулярно принуждала бедолагу делать маски. Тот при первой возможности шел в отказ и увиливал, из-за чего однажды даже случился забавный казус, угодивший в тренды Вэйбо.

С тех пор фанаты при каждой встрече в аэропорту или на съемочной площадке неизменно напутствовали его заботливо: «Ху-ху, не забывай про маски!»

[По старой традиции — ждем ссылочку!]

[Даже с этой зеленой жижей на лице видно, что он на тон блее тебя. Будь хорошим мальчиком в следующий раз, ладно?]

[Вы в степи? Там же жуткие ветры, одной маски точно мало! Мамочка сейчас скинет тебе проверенные средства: [ссылка] [ссылка] [ссылка]]

[У-у-у, братишка, попроси Сяо Дуань-гэ тоже что-нибудь выложить!]

[@Нин Хаосюань, беги скорее сюда, у тебя тут новый соперник объявился!]

Вообще-то поклонники Дуань Цунчжи не рассчитывали на регулярные весточки со съемок. Ходили слухи, что на площадках строгая дисциплина, а поскольку Цунчжи — новичок, его наверняка держали в ежовых рукавицах.

Но раз уж сам Ху Сюйцзэ выложил совместное фото, да еще и тегнул коллегу, значит, никаких запретов не было. Взволнованные «луковые колечки» дружно повалили в супертопик, умоляя своего кумира наконец подать голос.

Телефон звякнул уведомлением из WeChat. Цунчжи поспешно открыл приложение, но тут же разочарованно выдохнул: писал Сюэ Пин, требуя проявить активность и ответить на пост коллеги.

Оставив под записью Ху Сюйцзэ лаконичный смайлик-улыбку, Цунчжи снова скользнул взглядом по сиротливому, безмолвному диалогу в WeChat. Подавив вздох, он зашел в собственный профиль и набрал короткий пост.

[@□□□JK: Доброй ночи [Фото]]

Снимок запечатлел бескрайнее степное небо. Вдали от мегаполисов, где нет светового смога, ночной купол казался бездонным и умиротворяющим, усыпанным мириадами ярких звезд. Поклонники не стали ворчать из-за отсутствия селфи и принялись наперебой желать ему приятных снов.

[Доброй ночи!]

Секретарь Чэн давно добавил молодого господина в список избранных контактов, так что уведомление о новой публикации прилетело мгновенно. И пусть эта запись не штурмовала вершины трендов, Чэн Юй, помня о крайне деликатном характере отношений между своим подопечным и Третьим господином Цинем, счел за благо переслать скриншот боссу.

Некоторое время Цинь Кэ молча созерцал усыпанную звездами бездну на экране, после чего сохранил снимок в отдельную папку. Проведя пальцем по экрану вправо, он открыл утреннее фото рассвета из Моментов Цунчжи, затем — вчерашние степные просторы и бесконечную череду тарелок с его ежедневными обедами.

Свернув галерею, он открыл WeChat. Список диалогов пустовал — лишь один-единственный чат оставался закрепленным в самом верху. Последняя запись в нем была сделана тридцать восемь часов назад.

Заблокировав телефон, он раскрыл книгу. Но чтение не шло — спустя пять минут Цинь Кэ снова разблокировал экран и заглянул в переписку. Тихо и пусто.

Кончик пальца замер над полем ввода. В обычно бесстрастном взгляде скользнуло непривычное замешательство.

"Цунчжи, кажется, злится на меня"

Перед сном рука Дуань Цунчжи сама собой потянулась к телефону и открыла WeChat. Он прекрасно понимал, что никаких вестей от Цинь Кэ там нет, да и сам уже морально созрел для очередной атаки — просто требовалось немного времени, чтобы совладать с уязвленной гордостью.

Проверка чата превратилась в машинальный, неосознанный жест.

Досадуя на собственное малодушие, он стгоряча снял закрепление с диалога. Окно чата мгновенно улетело вниз, скрывшись из виду. Спустя секунду, чертыхаясь, Цунчжи отыскал контакт и обреченно вернул его на прежнее место.

[Печатает...]

Короткая строчка статуса мелькнула и пропала, заставив Цунчжи усомниться в собственном зрении.

[Печатает...]

Спустя секунду надпись высветилась вновь и окончательно растаяла в пустоте. Никаких сообщений так и не пришло. Цунчжи сверлил экран взглядом добрую минуту, пока глаза не защипало от напряжения, но дисплей оставался девственно чист.

Дважды подряд — такое вряд ли померещится. Но, возможно, Цинь Кэ просто случайно задел экран?

С другой стороны, случайность ли это? Сам факт появления плашки означал, что Цинь Кэ открыл их диалог. И даже если не решился отправить текст, он явно ждал первого шага с его стороны.

В этот момент Дуань Цунчжи резко передумал.

Ситуация напоминала поведение капризного кота. Если хозяин холоден, животное может ластиться сколько угодно — равнодушный человек и ухом не поведет. Кот обидится, забьется в угол, свернется клубком и проспит до утра, а проснувшись, вновь упрямо поплетется выпрашивать ласку.

Но стоит хозяину проявить хоть каплю ответного тепла, как питомец тут же задирает нос. Он больше не станет унижаться — сядет в сторонке с независимым видом и будет величественно ждать, когда его соизволят взять на руки.

"Пусть теперь сам пишет"

Выйдя из приложения, он решительно воткнул кабель зарядки в гнездо телефона, зажмурился и мгновенно провалился в глубокий сон без сновидений.

Едва разомкнув веки, Цунчжи первым делом схватился за мобильный. Закрепленный диалог, украшенный аватаркой с забавной собачьей мордой, хранил могильное молчание.

"Ладно, еще слишком рано, — мысленно успокоил он себя"

Но даже после плотного завтрака экран оставался чистым. Уязвленный собственной вчерашней самонадеянностью, Цунчжи в сердцах швырнул гаджет Чжоу Цюаню, после чего демонстративно зашагал к минивэну съемочной группы.

После того как двое сотрудников умудрились сгруппировать на глазах у директора Циня и моментально лишились квартальных премий, помощник Гу передвигался исключительно на цыпочках. К исходу финального дня командировки, когда завершилось последнее совещание, он наконец-то перевел дух — завтра они возвращаются домой.

В Лунчэне его ждали теплые стены родного секретариата и коллеги, готовые разделить бремя забот. Там ему больше не придется в одиночку противостоять этому ходячему филиалу вечной мерзлоты в лице собственного босса.

Увы, планам на покой не суждено было сбыться. В десятом часу вечера, когда Гу только успел вытянуться на мягких простынях отеля, зазвонил мобильный. Голос директора Циня в трубке был сух и лаконичен:

— Заказывай билеты. Летим в Лянчэн.

Помощник Гу растерялся. Разве первоначальный план не ограничивался беглым осмотром региональных представительств?

Рабочие поездки Цинь Кэ вообще мало походили на пафосные выезды руководителей других корпораций. Он никогда не таскал за собой свиту — обходился услугами одного ассистента, водителя да пары телохранителей. Минимум людей, максимум отдачи. К тому же он никогда не привязывал эти проверки к концу года: подшефных предприятий у группы Цинь было слишком много, разом все не охватить.

В былые времена, когда Дуань Цунчжи еще безвылазно обитал в поместье Цинь, босс нередко брал юношу с собой в дорогу.

За текущую поездку они уже успели прошерстить отчетность семи дочерних фирм. Неужели этого мало? И почему именно сейчас, в первых числах месяца, когда директор Цинь обязан

лично председательствовать на совете директоров головного офиса?

Как проводить собрание из Лянчэна?

К тому же какие интересы у группы Цинь в Лянчэне? Тот край испокон веков славился лишь бескрайними пастбищами да горнодобывающими комбинатами. В последнее время регион, правда, пытался переориентироваться на экотуризм, но крупных активов у корпорации там не значилось. О разработке новых месторождений тоже никто не заикался. Неужели босс решил вложиться в туристическую инфраструктуру?

Вопросы множились в геометрической прогрессии, однако пальцы помощника Гу уже привычно летали по клавиатуре ноутбука, запрашивая расписание рейсов, сводки погоды и региональные новости.

К слову, популярные путеводители в один голос не рекомендовали посещать эти места в середине осени. И кому придет в голову добровольно подставляться под ледяные степные сквозняки?

Стоило только подумать о степи, как в голове помощника Гу вспыхнула догадка. Позвольте, а разве молодой господин Дуань сейчас не на натурных съемках в тех краях?

Он ведь совсем недавно выкладывал фотографии в Моменты.

Осознав истинную причину столь спешной смены курса, помощник Гу не решился бронировать билеты вслепую и обратился к боссу. Ближайший рейс вылетал в шесть утра, а дорога до аэропорта занимала не меньше часа с лишним.

Покупка билетов на такое время означала подъем в четыре часа ночи.

Будь это стандартная командировка, Гу даже не стал бы предлагать этот вариант — в мире попросту не существовало причин, способных заставить директора Циня жертвовать сном ради спешки. Но текущий случай явно попадал в категорию исключений.

Как и следовало ожидать, босс утвердил самый ранний вылет.

После приземления их ждал еще двухчасовой марш-бросок на машине до самого Лянчэна.

Секретарь заблаговременно связался с Чжоу Цюанем, чтобы уточнить координаты. Тот как раз по указке Цунчжи пытался выведать у местных жителей секреты приготовления традиционного чая с молоком. Капризный молодой барин пить местный соленый напиток не мог, но саму идею оценил, а потому озадачил своего кулинарного гения-помощника адаптацией рецепта под привычные вкусы.

Чжоу Цюань без лишних расспросов скинул геопозицию, помня давний наказ Дуань Цунчжи: если люди из окружения Цинь Кэ станут интересоваться его делами — выкладывать все как есть.

"Вот только сам Цунчжи сейчас уехал на съемки, а телефон оставил мне. Как быть?"

Натурная площадка постоянно кочевала по бескрайним просторам. Рано утром вся группа погрузилась в транспорт и укатила в глубь степи: режиссер Тянь выбирал локации прямо на ходу, повинувшись вдохновению, так что искать их там сейчас — все равно что иголку в стоге сена.

Немного поколебавшись, Чжоу Цюань выбросил эти мысли из головы и вернулся к экспериментам с молоком. В конце концов, во время прошлого визита Третьего господина Цунчжи буквально светился от счастья. Пусть это станет для него приятным сюрпризом.

Вылетев ранним утром, Цинь Кэ сменил несколько видов транспорта и добрался до палаточного лагеря посреди степи лишь к середине дня.

Застав Чжоу Цюаня за бесконечной возней с котелками, помощник Гу решил прозондировать почву и из вежливости предложил подсобить. Разумеется, это была чистая формальность — как-никак, он занимал статусную должность личного ассистента главы корпорации и привык работать исключительно головой.

Но у простоватого Чжоу Цюаня табель о рангах выглядел иначе. В его понимании помощник — он и в Африке помощник, а потому парень без тени смущения вручил столичному гостю мешок и велел сходить к соседям-кочевникам за сушеными навозными лепешками.

Гу решил, что у него начались слуховые галлюцинации от степного воздуха. Заметив его ступор, Чжоу Цюань терпеливо пояснил:

— Это местное топливо для очага. Нам для варки не хватает.

Гу потерял дар речи.

Смена у Дуань Цунчжи завершилась без задержек, благодаря чему они вернулись в лагерь засветло. Будь его воля, он бы с шиком прискакал в лагерь верхом, но затянувшиеся конные сцены превратили внутреннюю сторону его бедер в сплошную кровоточащую рану. Малейшее движение причиняло дикую боль, однако уязвленное самолюбие требовало держать марку перед коллегами.

Ху Сюйцзэ страдал ничуть не меньше. Оба прекрасно понимали: начини они жаловаться — и график полетит к чертям, поэтому молча стискивали зубы и терпели.

Из-за повышенной чувствительности к боли Цунчжи приходилось особенно несладко. Выбравшись из внедорожника, он невольно замедлял шаг, ступая преувеличенно чинно и аккуратно, словно нес на плечах хрустальную вазу.

Стоило ему добрести до своего шатра, как прямо перед ним выросла фигура помощника Гу, уныло тащившего мешок со злополучными сухими лепешками.

Дуань Цунчжи рефлекторно отшатнулся от пахучей ноши и удивленно вскинул брови:

— Помощник Гу? Какими судьбами?

"Неужели из-за того, что я перестал ему писать, он отправил своего человека на разведку?"

Ассистент открыл было утомленный рот, чтобы ответить, но в этот момент из-за спины Цунчжи донесся до боли знакомый, низкий бархатистый голос:

— Что с ногами?

<http://bllate.org/book/18330/1765591>